

Михаил Криницкий

finland
sisu
katu

**ФОРМУЛА
ЧЕМОДАНА**

Михаил Криницкий
Формула чемодана

«Издательские решения»

Креницкий М.

Формула чемодана / М. Креницкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902818-1

Сергей — студент-биохимик. Его голова полна тараканов, равно как и комната в общежитии. Карьерный путь определён на годы вперёд: диплом, аспирантура, НИИ... Неожиданно Сергей резко меняет планы и решает поехать на работу за рубеж. Через друга он налаживает контакты в Финляндии и уже начинает готовить документы, когда внезапное знакомство окончательно приводит привычный мир в хаос. Поездка развивается иначе, чем он предполагал.

ISBN 978-5-44-902818-1

© Креницкий М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пора валить	6
Глава 2. Куда податься?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Формула чемодана

Михаил Криницкий

Корректор Вера Вересиянова

© Михаил Криницкий, 2018

ISBN 978-5-4490-2818-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пора валить

В клубе было жарко. Разгорячённые тела кривлялись в разных позах под громкую до нераспознавания музыку. Размером заведение напоминало коммунальную квартиру, однако Сергею не получалось оглядеть все его контуры в мелькающих цветах. Он помахал Саше с Алексеем, жестами призывая их пойти подышать свежим воздухом. Алексей сообщение заметил, но проигнорировал, продолжая целоваться с какой-то пьяной блондинкой. Саша же заметил Сергея и одобрительно показал большой палец. Сергей продрался сквозь толпу и выбрался наружу.

Улица представляла собой смесь пивных ларьков и мелких трэш-дискотек, откуда молодёжь время от времени ходила «дозаправляться» в ларьки. В отличие от пафосной публики претенциозного клуба, венчавшего улицу, здешние посетители одевались без особого внимания к дорогим брендам. Клубы сигаретного дыма сильно затрудняли видимость. Только в Питере Сергей мог попасть в подобное окружение. Он пьяным взглядом оглядел окрестности и с трудом сфокусировался на стоявших неподалёку трёх симпатичных девушках. В отличие от коренных петербурженок, они выглядели очень загорелыми и сверкали в темноте тёмными глазами. Более того, девушки разговаривали на каком-то непонятном языке.

– Хей! Вазза! – закричала одна из них, с рыжими волосами.

– Э-э-э? – выдал свои познания в английском Сергей. Предыдущие пять рюмок уже отключили его языковые центры.

– Клёвое пати! – сказала другая девушка. Сергею она очень понравилась, поэтому он собрал все силы и ответил по-английски:

– Да, тут, в Питере, всегда крутые вечеринки! – И, немного подумав, спросил: – Вы откуда?

– Мы из Хельсинки приехали, на пару дней затусить, – ответила девушка. – Меня Сара зовут.

– А меня Ана.

– Я Диана.

– А я Сергей.

Сергей неуклюже пожал им руки и вновь сфокусировался на Саре. Карие глаза слегка блестели в темноте, удивительно сочетаясь с чёрными волосами и загорелой кожей. Возле носа слегка выдавалась тёмная родинка.

– Я думал, в Финляндии народ не загорает, – продемонстрировал свои знания географии Сергей. Когда-то он видел Хельсинки на школьной карте и с тех пор считал, что это где-то на севере. К удивлению Сергея, Сара расхохоталась. Может, всё-таки подвела география?

– Да, в Хельсинки особо не поджаришься! Мы на самом деле из Испании, а в Хельсинки только учимся.

– Да, там холодно, брр! – подтвердила другая девушка, то ли Ана, то ли Диана. (Сергей уже забыл, кто из них кто. В отличие от Сары, они не казались ему такими уж привлекательными.)

– И как вам в Питере? – спросил Сергей, чтобы поддержать разговор.

– Очень красиво, только никто по-английски не понимает. Ты первый, – подмигнула ему Сара.

Сергей нелепо заулыбался в ответ. В этот момент одна из девушек что-то затарабанила на испанском.

– Извини, нам нужно идти, – с огорчением в голосе сказала Сара. – Было приятно познакомиться.

– И нам, – добавили Ана и Диана. Они по очереди обняли Сергея и дружно заковыляли прочь с задымлённой улицы. Сергей какое-то время смотрел им вслед, пока кто-то не похлопал его по плечу.

– Ты как, мужик? Вертолёт крутит? Может, тебе водички? – спросил Саша так заботливо, как могут только латентные алкоголики и психоаналитики.

– Не, я в норме. С девушками общался, – ответил Сергей, всё ещё пребывая в слабом дурмане.

– Ух ты, Ромео! За такое дело надо точно выпить! – И Саша потащил его назад в клуб, к барной стойке. Сергей лениво повиновался.

Знакомство Сергея с заграничными странницами его друзей никак не удивило, а спустя пару рюмок Сергей и сам уже почти забыл про неожиданную встречу. Туманные мысли свербили в его хмельной голове остаток ночи и, к удивлению, не покинули и утром, несмотря на сильную головную боль. Сергей очень редко общался с иностранцами (украинцы и казахи не в счёт). Зачем? Странные существа, которые живут на соседней планете и платят в магазинах в яркой валюте. Ничего о жизни в России не знают. О чём с ними можно говорить? О работе разве что, или о погоде. Сергею никогда и в голову не приходило, что иностранцами бывают и девушки, тем более красивые. Но чтобы с ними можно было разговаривать, смеяться и весело проводить время? Бред какой-то! Все знают со школьных лет, что русские девушки – самые лучшие. Рассматривать девушку из Европы как спутницу жизни – это всё равно что держать крокодила вместо хомяка. Теоретически возможно, но зачем? Однако «крокодилы» не выходили у него из головы.

Сергей и Саша потратили два часа, пытаясь дозвониться до Алексея, и бессмысленно плутали по улицам. Утренний Питер не способствовал скорейшему выздоровлению подпорченного алкоголем здоровья – машины гудели, испуская бензиновые пары, прохожие носились взад-вперёд почти с такими же угрюмыми лицами, как и в Москве, а холодные вычурные здания давили и на без того страдающую черепную коробку. Наконец, появился Алексей – с явными признаками недосыпа. Друзья не стали долго задерживаться – уже к раннему вечеру добрались на вокзал и взяли билеты до Москвы, где они вместе учились в университете.

Сергей, студент-дипломник, работал в достаточно большой лаборатории, чтобы никто не заметил его кратковременного отсутствия, и поэтому потратил один день на восстановление после тяжёлой вечеринки. Но на следующий день ему всё же пришлось прийти в институт на защиту кандидатской диссертации своего коллеги по лаборатории Геннадия. Защита прошла в лучших традициях Российской академии наук: официально, скучно и до урчания в животе долго. Судя по лицам присутствовавших, никого не восхищали формулы и графики из диссертации Геннадия – всех держала в сознании лишь мысль о скором праздничном застолье. Наконец, истязания закончились, совет поздравил выступавшего с успешной защитой диссертации и зрители заторопились в семинарскую комнату, где уже были накрыты столы.

Комната, как и большая часть всего института, напоминала призрака из 80-х: на покрытых выцветшими красными обоями стенах висели чёрно-белые портреты академиков, в углу стояли пластиковые модели ДНК и белков, а в центре красовалась доска с нарисованными мелом формулами. Институт строили на закате советской империи, поэтому все крупные детали интерьера отражали высокие амбиции и планы академиков, а мелкие детали – слабость социалистической легкой промышленности. В «мирное время» в комнате проходили семинары, на которых коллеги собирались обсудить последние проваленные эксперименты и постельные интриги (основной состав института составляли женщины), а по особым случаям помещение отводилось для празднований.

Фуршет подходил к своему апогею. Оппонент уже изрядно напился и с горячим энтузиазмом рассказывал про аспирантское житьё-бытьё во времена Леонида Ильича Брежнева. Рассказ пестрел речевыми оборотами формата «Вот в наше время-то...», «Студенты уже не те» и «Да когда я был в твоём возрасте, я по ночам вагоны разгружал!».

«Наверное, именно поэтому он днём писал статьи в „Вестник Академии наук“, а не в „Nature“», – брезгливо думал Сергей и в очередной раз взглянул на Геннадия. Судя по лицу, новоиспечённый кандидат наук уже изрядно устал от его историй. «Бедняга, – подумал Сергей. – Неужели и мне предстоит такие же пытки после защиты?» В отличие от Геннадия, он сидел за столом с молодым составом лаборатории, и до него лишь изредка долетали фразы оппонента, который был слишком пьян, чтобы прочитать мольбы на лице Геннадия и отпустить его с Богом. Оппонент уже в третий раз за день начал рассказывать, как его научный руководитель в 1978 году привёл его в лабораторию, указал на два квадратных метра на полу и сказал строить экспериментальную установку. Вскоре Геннадий не выдержал и пересел за стол к Сергею, наплевав на академический этикет. К счастью, оппонент был хмельной и не заметил исчезновения слушателя, тем более что к дискуссии присоединился другой профессор.

Коллектив стола, за которым сидел Сергей, был разношёрстный: студентка бакалавриата Лена сосредоточенно пыталась разделить два смешанных по ошибке салата, чтобы съесть их по очереди; магистранты Коля и Ира активно поглощали собранный с других столов алкоголь; будущие кандидаты наук Катя и Егор обсуждали какие-то статьи; а вечный недоподток Саша бурчал в углу. Как Сергею рассказывали коллеги, «постдоками» на Западе называли учёных, работающих после защиты кандидатской. В России же таких называли «неудачниками». И хотя лень мешала Саше написать эту самую диссертацию, последняя в российской научной реальности ему не шибко-то и требовалась для работы даже спустя шесть лет после аспирантуры.

На столе красовались традиционные русские яства; из салатов были «Оливье» и «Селёдка под шубой», которые многие русские ошибочно считают французскими. Посередине выстроились открытые бутылки вина, перемежённые более серьёзным алкоголем – водкой и ликёрами квартирного происхождения. Российская наука – дело серьёзное: опасно начинать думать, не промочив горло. Тарелки с нарезанными сыром и ветчиной окружали бутылки со всех сторон, дабы интеллигентам не пришлось мучиться и пить без закуски.

Дискуссия за столом, куда пересел Геннадий, оказалась куда более интересной, чем у профессоров. Если старшие учёные говорили об охоте и обустройстве дач, то молодёжь сконцентрировалась на сплетнях. Коля только что начал встречаться с новой девушкой из соседнего отдела, и Ира вела допрос с целью выведать стратегически важную информацию:

– Какого цвета у неё волосы?

– Ну... Она брюнетка.

– В какие цвета она обычно одевается: в светлые или тёмные? Она высокая?

– В разные цвета – какая разница? В один день в одном, в другой – в другом. – Коля вяло пытался обороняться от вопросов, но лишь всё больше запутывался в сеть.

– На каком свидании у вас был первый секс? – ввязалась в обсуждение Катя.

– Девушки! Вы что, серьёзно? – Коля проигрывал сплетницам по всем фронтам.

Поскольку Катя утратила интерес к обсуждению статей, Егор тоже решил присоединиться к дискуссии. Коля смотрел на него с умоляющим видом, надеясь на спасительную смену темы. Егор не обманул его ожиданий.

– Ребят, успокойтесь! Давайте спросим Колю о чём-нибудь более важном. Эта девушка работает в лаборатории Печёнкина, так? Вот скажи: у них есть вай-фай в лаборатории или такая же ерунда, как и у нас? – Егор был женат и уже порядком устал от постоянного трёпа подруг жены про чужую постельную жизнь.

– Да, у них есть вай-фай! Профессор лично купил роутер пару лет назад. Теперь у всех в лабе планшеты. А с нашим жмотом только и жди, когда они эти планшеты выбросят и нам

отдадут! Живём как в девяностые, с кабелями! – Коля пытался заполнить информационное пространство как можно бóльшим набором слов, чтобы отложить сложные вопросы девушек.

– А ты, кобель, от темы не уходи! – настаивала Ира.

Сергей не участвовал в дискуссии, поскольку уже выпил слишком много, чтобы сфокусироваться. В конце концов ему стало скучно от застольных реалий, и он торжественно провозгласил:

– Народ, хорош уже мямлить: электроника, секс, шмотки... Пойдёмте танцевать – «Гангам стайл» играет!

Девушек не нужно было спрашивать дважды про возможность потрясти частями тела, и они двинулись в центр комнаты. Парни последовали туда же с небольшой задержкой. К счастью, никто не мог устоять перед зажигательной энергией «Гангам стайл» – и вся группа дружно начала популярный танец из видеоклипа.

Как правило, вечеринки в академической среде проходили убого и нелепо, если смотреть на них со стороны. Ходить в хорошие клубы российским учёным не позволяла низкая зарплата, а чтобы ходить в плохие, у них не хватало мышц, нервов и зубов. Учёные использовали стиль вечеринок, которые видели в старых (порой и советских) фильмах, поскольку смотреть модную ерунду интеллигенция не будет. Тем не менее социальные медиа всё-таки оказывали своё влияние даже на учёных, поэтому участники вечеринки пытались применить все знания, почерпнутые из просмотра глупых видео «ВКонтакте».

Сергей пытался всеми усилиями воли контролировать свои движения, но на втором развороте потерял баланс и рухнул на сидевших за ближайшим столом ничего не подозревавших профессоров.

Падение на стол спровоцировало несколько неприятных фактов. Во-первых, Сергей сохранил начатую в танце вращательную энергию, поэтому красное вино из бокалов не только пролилось на относительно белую скатерть, но и с центробежной силой ударило по сияюще-снежным рубашкам профессоров. Во-вторых, салаты, заправленные отборным жирным русским майонезом высокой плотности, разлетелись на дальние дистанции, достав двух сидевших поодаль участников, не говоря уже о профессорах, находившихся рядом. Все эти неудобства не были бы фатальными, не окажись один из профессоров по совпадению научным руководителем Сергея. «За каким чёртом его угораздило сесть именно на этот край стола?!» – подумал Сергей, наблюдая за пролетающими продуктами. Но предлагать профессору пересесть было поздно. Если оппонент сидел в ступоре, потирая бороду и пытаясь понять, что же произошло, то научрук Сергея быстро пришёл в рассудок и уже сверлил Сергея своими огненными глазами, в которых ясно читался посыл: «Ты уволен, гад!» – как в субтитрах к замедленному фильму.

Это было уже далеко не впервые, когда Сергей творил что-то очень глупое перед лицом начальника. Однажды он сломал на глазах у профессора дорогую пипетку, пытаясь одновременно проводить эксперимент и пить чай с пирожными. В другой раз Сергей забыл явиться на свою предзащитную презентацию по диплому, а научрук, по странному совпадению, пришёл. А в один прекрасный день Сергей выслал научруку по ошибке нечленораздельное сообщение, адресованное друзьям-алкоголикам, в котором говорилось что-то про «ужраться в говно, как свиньи». Тем не менее все эти случаи никогда буквально не касались профессора, в отличие от пролитого вина и жирного салата. К тому же Сергей раньше не смущал профессора перед лицом и бородой потенциального коллаборатора. Но теперь чаша терпения, без сомнения, опрокинулась, и Сергею пора было забыть о возможности остаться в лаборатории в аспирантуре.

Несмотря на драму, происходящую в голове Сергея, окружающие удивительно быстро утратили интерес к разрушениям и продолжили празднование. Облитые жертвы «Гангам стайл» ринулись отмываться в туалет, и внимание публики вернулось к гораздо более важ-

ным проблемам – выпивке, закуске и танцам. У Сергея пропало желание веселиться. Наиболее разумным решением казалось покинуть вечеринку, тем более что концентрация алкоголя в крови предписывала необходимость отдыха.

Сергей накинул пуховик и покинул семинарскую комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь, дабы не привлечь излишнего внимания. На вахте он буркнул «До свидания» старичку-охраннику, который неожиданно дружелюбно поблагодарил Сергея и также пожелал ему приятного вечера. «Куда уж приятнее – разве что если в общаге пожар или ещё какая хрень приключится!» – подумал Сергей с гораздо меньшим оптимизмом, чем старичок, и вышел через скрипящую дверь на улицу. Двор института ещё был полон подтаивающего снега, но в некоторых местах уже проглядывала земля – начало марта в Москве выдалось необычно тёплым. Небо было покрыто плотным слоем облаков, полностью закрывавших звёзды, лишь луна просвечивала жёлтым мутным пятном. Однако Сергею некогда было заглядываться на небо, поскольку хождение по скользкому асфальту занимало все вычислительные мощности хмельного мозга и энергию сгорающего в крови топлива. На выходе он бросил последний взгляд на институт. Здание воплощало характерные черты советской супердержавы: огромный кусок бетона, лишённый ярких цветов, с крутыми рёбрами и стенами, направленными друг к другу под разными углами, – очевидно, архитектор пытался запечатлеть в камне всё своё ненасытное эго. На передней стене рядом с выходом висели гравированные портреты академиков, основавших этот институт. Сергей мысленно попрощался с портретами и заковылял в сторону метро.

Путь пролегал мимо пафосного азербайджанского ресторана. Обычно Сергею эта часть маршрута давалась труднее всего, потому что восхитительные запахи из кухни щекотали его ноздри и сводили с ума желудок. К счастью, живот был заполнен едой и алкоголем, поэтому Сергей не потерял баланс от притягательных ароматов. Его месячной зарплаты младшего лаборанта едва ли хватило бы даже на один ужин в этом заведении. «Какой идиот додумался построить такой крутой ресторан рядом с академическим институтом?! Это же негуманно!» – негодовал про себя Сергей. Привычку негодовать вслух он бросил, когда заметил, как на него с недоумением оглядывались прохожие.

К счастью, метро уже приближалось, и постепенно поток торопливых людей подхватил Сергея и нёс вплоть до самой станции, заставив забыть неприятные мысли. Благодаря позднему времени в метро уже было довольно свободно – настолько, что, зайдя в вагон, Сергей смог сесть и погрузиться в тяжёлые раздумья. Работу он потерял. Не то чтобы она была очень хорошая, но Сергей любил науку, эксперименты и особенно лабораторный коллектив. В отличие от других, их группа была очень дружная: они часто устраивали совместные вечеринки, обеды, дискуссии и даже ездили два раза в год за город, зимой – ездить на лыжах, а летом – в лес за грибами. Зарплата была низкая, и оборудование – далёким от сверкающих экземпляров на страницах последнего выпуска журнала «Science», но Сергею светили хорошие перспективы написать сравнительно сильную кандидатскую диссертацию за пару лет после окончания магистратуры. Теперь же будущее оказалось покрытым туманом.

Сергей жил в студенческом общежитии на мрачных окраинах Москвы, где уже редко услышишь русскую речь и всё чаще – южные диалекты растущей популяции иммигрантов. Тем не менее последние его не смущали, Сергей куда больше боялся встретить русских «пацанчиков» – тёмное время суток как нельзя лучше подходило уличным гопникам, чтобы поймать тихого студента невысокого роста. Сергей хорошо это знал и старался проходить только освещёнными улицами. Преодолев беспрепятственно расстояние от метро, он подошёл к своему общежитию.

Девятиэтажное здание пользовалось особенной популярностью среди студентов в 80-е и в те годы значительно опережало по комфорту общежития на основном кампусе, в Подмосковье. Однако 80-е закончились, равно как и комфорт в общежитии. Складывалось впечатле-

ние, что ремонт в здании не проводился со времён Советского Союза, и это вполне могло быть правдой. Раньше основными соседями студентов были тараканы и клопы, а теперь к ним в придачу заселились многочисленные гастарбайтеры и прочие подозрительные личности, не имеющие отношения к университету. Разбитые общажные интерьеры мало напрягают первокурсников, постоянно пропитанных алкоголем и способных заснуть за лекционной партой. Однако здесь жили в основном магистранты, уже прочувствовавшие студенческую романтику и ищущие спокойного домашнего уюта, а не тараканов под подушкой.

Сергей устало ввалился в свою комнатушку, которую он делил с парнем с факультета программирования на курс младше. В отличие от Сергея, его сосед не планировал оставаться в науке и время от времени с состраданием и любопытством слушал постоянные жалобы Сергея о плохой ситуации в науке, о старых приборах, опоздавших реактивах и прочих понятных только русскому учёному проблемах. В этот вечер, как и обычно, его сосед сидел перед монитором и играл в очередную карточную онлайн-игру.

Сергей устало налил себе чашку чая, намешал пару ложек сахара и смастерил бутерброд из куска хлеба и старого сыра, найденного в холодильнике «Бирюса», традиционном для общежития и переходившем из поколения в поколение последние лет пятнадцать. Сергея всегда интересовало, где же эта самая Бирюса находится, а проверить в Гугле мешала лень. Медленно проглотив бутерброд, он сел на свою двухъярусную кровать, грея ладони о чашку с чаем, и начал думать. Варианты были разные. Можно было пойти работать дворником, можно было репетиторствовать до пенсии. Ещё был вариант стать алкоголиком и жить на Курском вокзале. Тем не менее эти карьерные пути его почему-то не прельщали.

Сергей слышал про ещё один вариант, который никогда не принимал всерьёз. Некоторые из его друзей планировали поехать в аспирантуру за границу. Сам Сергей тоже хотел защитить кандидатскую диссертацию, однако мысль уехать из России казалась безумной. Какая может быть жизнь без пельменей? Без селёдки под шубой? Сумасшествие! Сергей замотал головой. Чай уже остыл, но решение до сих пор не приходило. Чтобы хоть как-то продвинуться, он решил проконсультироваться со своим хорошим другом, физиком Сашей. Саша как раз был одним из тех, кто хотел поехать в аспирантуру за рубеж – куда-то в Калифорнию. Сергею это казалось баловством. Зачем ехать за десять тысяч километров, когда можно делать науку здесь? Тем не менее Саша отличался от Сергея тем, что ни разу не проливал вино на научрука, поэтому Сергей решил пойти спросить у него совета.

Хрустя полуразбитым кафелем на полу коридоров общежития, Сергей дошёл до Сашиной комнаты. Изнутри раздавались риффы классического рока – Саша был фанатом старых групп: Alice Cooper, Iron Maiden и Black Sabbath. Дверь распахнулась буквально сразу после стука.

– Здорово, Серёга! Как делищи? Чё-то ты какой-то тухлый, ещё и припитой! Заходи! – Саша подвинул свою атлетическую тушу с прохода, чтобы Сергей мог протиснуться внутрь. Сергей всегда задавался вопросом, где Саша умудрялся находить время одновременно ходить в качалку, бегать, читать научные статьи и спать с постоянно меняющимися девушками. Одна из версий предполагала использование квантово-механических пространственно-временных дыр, другая – волшебной машинки Гермियोны из «Гарри Поттера».

Саша налил воды в чайник и указал Сергею на пустующую кровать – место обитания виртуального соседа Саши, или, как говорили в общежитии, «мёртвой души». На самом деле этот сосед снимал квартиру со своей девушкой где-то на севере города, но коменданту общежития было совсем не обязательно знать об этом.

– Ну, рассказывай: что случилось? Чего это ты такой хмурый?

– Я пролил вино на профессора... Когда упал на стол. – Тут Сергею пришлось сделать паузу, поскольку Саша начал безумно хохотать. Как только он смог сдержать приступы смеха,

Сергей продолжил: – Это была в буквальном смысле последняя капля. Наверное, меня выгонят.

– Да ну? А я думал, за такое дают повышение! Так сказать, смело «вылитая» на начальника критика! – Саша еле сдерживал смех.

– Что мне делать, лучше скажи, – укоризненно спросил Сергей.

– Можно ему вещи постирать, – задумался Саша, всё ещё хихикая. – А можно свалить. Ты на PhD не хочешь поехать?

– Да ну, бред! – махнул рукой Сергей.

– Не, я серьёзно. На, чайку выпей. – Саша вложил Сергею в руки дымящуюся кружку. – Я всё время тебе твержу, что Академия наук прогнила, как старый помидор. Надо валить.

– Зачем валить? Почему нельзя тут работать?

– Ну как, – задумался Саша, – если ты не хочешь до конца дней своих репетиторствовать или жить в общежитии, то надо либо планктонить, либо ехать на PhD.

– Придумали же аббревиатуру пафосную: PhD! – пробурчал Сергей. – Вот у нас всё логично: сначала кандидат наук, потом доктор наук. Какой ты к чёрту «доктор философии», если ты диссертацию пишешь по размножению трилобитов?

– Да тебе-то какая разница, как кого называют? – Саша не сдавался. – У меня один друг сейчас делает PhD в Финляндии и ещё один – в Германии. Я их спрошу, как там с открытыми позициями. Если есть, они сообщат.

«Открытые позиции, – подумал Сергей. – Кама-сутра какая-то».

– Неужто всё так просто? – спросил Сергей с недоверием. До сих пор перспектива работать в науке за рубежом казалась Сергею метафизикой, и тут ему заявляли, что вопрос упирается в пару e-mail'ов.

– У тебя публикации есть? – Саша уже находился в рабочем режиме и прорабатывал необходимые детали.

– Две. Но не первым автором.

– Это не важно. В Европе в двадцать пять лет только универ заканчивают, а ты уже в двадцать науку делаешь. Не волнуйся, мы тебя куда-нибудь пропихнём.

Саша включил ноутбук и начал писать письмо.

Глава 2. Куда податься?

Сергей знал про эмиграцию по большей части из слухов, бытующих в лаборатории, и из случайных записок в блогах. Запросы в Гугле про Европу выдавали в основном статьи про развращённых геев, а США в русском Интернете ассоциировались с глобальным заговором и Леонардо Ди Каприо либо Джонни Деппом – зависело от популярных фильмов в прокате. Тем не менее Сергей несгибаемо хотел докопаться до правды. Как твердила молва, много людей во всём мире уезжают туда, где можно найти работу. Глобализация и Интернет сильно перемешали общество, однако офисы богатых организаций оказалось сложно сдвинуть с места, равно как и зады их отъевшихся боссов. Поэтому сотрудники порхают, как птички, от одного насеста к другому – лишь бы яйца не замёрзли. Среди наиболее востребованных профессий в международной среде оказались программисты и, к удивлению Сергея, учёные. Наука вообще всегда держалась интернациональной, так как вода – она и в Африке вода, и свою химическую структуру не меняет. Предполагается, что процесс познания должен обогащать всё человеческое сообщество, независимо от границ. Сергей не был уверен, насколько это познание обогащает жителей, например, Северной Кореи или доярок в селе Затерявшееся какой-нибудь Далёкой области. В советское время у людей были какие-то идеалы и желание изменить мир к лучшему, но капиталисты на Западе, по-видимому, думали по-другому, и проблемы доярок их точно не волновали. Сергей хоть и признавал, что профессия учёного требует мобильности и гибкости, но относился к этой идее с неохотой. Правда, в качестве исключения мобильностью Сергей объяснял своей бабушке нежелание завести комнатные растения и починить год назад сломавшийся шкаф. «А что, если я перееду через месяц? Тогда пусть другой уже с ним возится», – отражал Сергей очередной напор бабушки во время визита в общежитие.

Согласно теории относительности, законы природы не зависят от местоположения в пространстве. Сергей с недоверием относился к таким теориям, поскольку зарплата уборщицы в Норвегии превышала зарплату директора фирмы в его родном городе. Тем не менее, как Сергей изучал в университете, учёные по всему миру работали примерно похожим образом и даже сидели в одинаковых соцсетях.

Конечно, Сергей признавал очевидные минусы в современной российской науке. При Сталине учёный считался уважаемым членом сообщества, производящим важное дело для строительства коммунизма. При демократах важным делом стало строительство особняков депутатам, поэтому учёные сразу оказались не в почёте. Большинство сокурсников Сергея уже продали мечту и пошли работать в банки, бизнес-аналитику и аудит. Но Сергей так просто не сдавался.

Саша тоже не сдавался в промывании мозгов Сергею и пытался привить идею важности связи с международной наукой. Сергею такие связи больше напоминали порочные, лишь множачие неприятные болезни. Все эти поездки на конференции и «стажировки» напоминали торговлю своим телом, только что активным органом выбрали мозг. Хоть они и налаживали какие-то контакты, Сергей не одобрял, каким образом. В его представлении обычно это происходило так: русскоговорящий учёный приезжает на конференцию докладывать какую-нибудь ерунду, которую он пытается делать в лаборатории дома. Его результаты, конечно же, никого не интересуют, но дальше он ходит и слушает доклады западных профессоров, и если тема походит на его собственную, русскоговорящий учёный задаёт умные вопросы и создаёт интересную дискуссию. Если он смог подлизаться, как инициативный, трудолюбивый и дешёвый сотрудник, то профессор с радостью возьмёт его поработать в лаборатории.

Правда, учёный, как правило, сам должен сделать первый шаг и достаточное время надоедать профессору с увлечённым видом, демонстрируя, как отлично он знает свой предмет, пока

тот не поймёт, что лучше сдать и взять к себе назойливого кадра. Это как если бы девушки на Тверской встали посреди трассы и начали подходить ко всем машинам подряд.

Оба друга Саши в итоге так и сделали: встретили своих профессоров на конференциях и договорились с ними о приезде на стажировку. Мало-помалу временные визиты превратились в постоянную работу. Когда Саша написал им про возможность помочь Сергею устроиться куда-нибудь на PhD, оба ответили неожиданно быстро и пообещали поспрашивать знакомых в Европе и посмотреть в разных университетах. Сергей был уверен, что эмигранты быстро превращаются в заносчивых и гордых мерзавцев и уж точно не будут помогать таким «простым смертным», как он. У Саши же была другая теория – что уехавший учёный хранит свежие шрамы в памяти про ужасные условия работы в России и с радостью поможет вытащить кого-нибудь достойного вместе с собой из болота.

Саша любил пофилософствовать и постоянно использовал свою широкую эрудицию в узких предметах. Он всегда горячо отстаивал свою точку зрения, и переубедить его в течение дискуссии не стоило и пытаться. Если он когда-либо менял взгляд на вещи, это происходило как следствие долгих размышлений, анализа и мысленных экспериментов.

Особенно Сашу интересовали проблемы международных коммуникаций и организации науки в целом. Вот уже второй день он пытался просветить в этом Сергея во время совместной тренировки в спортзале.

– Если ты кого-то уже знаешь на месте, всегда проще доставать оттуда информацию, – вещал Саша, надевая дополнительные блины на гриф. Он жал от груди за сотню килограммов и даже мог при этом разговаривать. – Скажем, твой друг из универа нашёл работу за рубежом, и ему там зашибись. А поскольку ты ботан-учёный, есть неплохой шанс, что твой друг-эмигрант – тоже учёный. Может быть, у вас даже есть опыт работы в одной и той же лабе где-нибудь в Сибири и у вас одинаковый чудный говор. – Саша ехидно улыбнулся и вылез из-под штанги, освобождая скамью Сергею.

– Не надо мне про говор! Ты у нас тоже не диктор с радио «Россия», – отразил Сергей и начал снимать лишние блины со штанги.

– Ну так вот, – продолжил Саша, разминая суставы. – Этот твой сибирский товарищ сватает тебя своему собственному профессору и плетёт ему на уши, какой ты ценный и незаменимый специалист по работе со сложным оборудованием, – например, капучино умеешь на эспрессо-машине варить. – Сергей хрюкнул от смеха и едва не уронил штангу себе на грудь. – Дальше: если у этого профессора тяжёлая зависимость от кофе, он тебя пригласит к себе на стажировку – например, кофе на плантации собирать. А на месте ты уже и сам разберёшься. Сначала на плантации попашешь, или там пипетками растворы покапаешь, а дальше и в менеджеры пробиться можно. В постдоки, то бишь.

– А если меня никто не сватает? – с подозрением спросил Сергей.

– Тогда жопа: надо CV отшлифовывать и на интервью выпендриваться.

Они закончили упражнения и пошли к Саше в комнату пить чай, благо тренажёрный зал был на соседнем этаже. Зайдя внутрь, Саша первым делом достал из холодильника свежую двухлитровую бутылку кваса и несколькими крупными глотками едва ли не ополовинил сосуд, затем предложил его Сергею.

– Нет, спасибо, я просто водички. – Сергей налил себе из чайника в стакан.

– Надо проверить мейл – может, чё европейцы наши написали. – Саша стряхнул с ноутбука какие-то исчерканные формулами бумажки и открыл крышку.

– Ты с этими парнями ещё видишься? – осведомился Сергей.

– Да, в последний раз на конференции в Италии встречались. У них на вид всё нормуль, один вот женился в прошлом году, скоро уже ребёнок будет. Они оба сюда, в Москву, раз в год приезжают – тогда и встречаемся.

– А не боишься связь потерять, когда в Америку уедешь? Это ж далеко. – Пока для Сергея зарубежная жизнь была покрыта плотным туманом и он вообще не представлял, как люди могут держать контакты в разных странах, тем более через океан. Его пока что самый серьёзный шаг к освоению мира закончился в получении загранпаспорта пару месяцев назад.

– Конечно, мы на связи будем. Я сюда собираюсь приезжать как минимум раз в год. – Саша твёрдо стоял на ногах и определённо не намеревался терять корни. Он ездил в свой родной Саратов как минимум три раза в год, а в Москве всегда проводил много времени в чатах с друзьями оттуда. Сергей же, напротив, не чувствовал привязанности к определённому месту и порхал по жизни, как перелётный попугай. Когда он приехал в Москву из своего маленького сибирского городка, то не имел чёткого понятия, чего же всё-таки он хотел от жизни и что ему для этого предстоит делать, поэтому старался просто плыть по течению и не утонуть. Но реальность жизни заставляла Сергея вертеться, словно рыба в бурных водах, и всё чаще приходилось плыть против течения. А для Саши это было больше похоже на виндсёрфинг – он исхитрялся находить время на работу, на личную жизнь, на какие-то хобби и даже на компьютерные игры. Сергей не сомневался, что и в Америке Саша сможет находить время на всё необходимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.